

НОЧНЫЕ ПАРЛАМЕНТЁРЫ

Подполковник, командир группы ГРУ – главного разведывательного управления Генштаба ВС СССР, откликнувшийся на имя-отчество Василий Петрович, заглянул в штабную мазанку горно-пехотного батальона после ужина.

Обменявшись коротким и крепким рукопожатием с комбатом майором Игнатенко, он сказал:

– Сергей Алексеевич, пошептать надо. Тэт-а-тэт...

– Сейчас организуем, Василий Петрович, – отозвался Игнатенко и приказал дежурному связисту. – Сходи, покури!

В просьбе «грушника» ничего необычного не было: служба секретная, действующая по ленинскому принципу: «Конспирация, конспирация и ещё раз конспирация, товарищи!»

Подполковник и пятеро его подчинённых: офицер, прапорщик и трое срочников: переводчик-таджик, водитель БТР – молдаванин и связист-сибиряк в гарнизоне у Игнатенко даже размещены были в отдельно стоящей мазанке. И питались они самостоятельно, и контактов с личным составом батальона всячески избегали, общаясь только с Игнатенко и начальником штаба батальона капитаном Тетёркиным. Ходили обычно Василий Петрович и его подчинённые в афганках без знаков различия, все отпустили себе бороды и загорели до черноты. Пояжи таким чалму или напяль на голову шапку-моджахедку, и от «духов» просто не отличишь. Они и вели себя, как «духи». Среди ночи срывались с места и, оседлав свой БТР, уезжали неведомо куда, или уходили в ночь поодиночке, и возвращались, пока весь гарнизон ещё спал, за исключением дежурных служб, конечно. Так же, в темноте, которая здесь, в горах, наваливается внезапно, как диверсант на зазевавшегося часового, к ним почти каждую ночь на КПП приходили какие-то таинственные визитёры, завёрнутые в длиннополые одежды с головы до ног. Их обычно встречали сам Василий Петрович или майор, его заместитель, и уводили в свою мазанку, о чём-то беседовали, и спустя несколько часов провожали за ворота гарнизона, где эти визитёры мгновенно растворялись в чернильной темноте.

Однажды стоявший на часах солдат из восьмой роты доложил Игнатенко, что у такого визитёра, когда он проходил мимо него выпала на землю пачка афгани, которую тот тут же поднял и ловко спрятал под одеждой. А шедший за ним следом Василий Петрович приложил палец к губам, а затем погрозил часовому, дескать, об увиденном молчи.

«Помощнички-то у Василия Петровича не бескорыстные... По идейным соображениям никто помогать шурави не хочет! Разве что те, кто сам от душманов пострадал...» – догадался Игнатенко.

Результатами разведдеятельности группы Василия Петровича, у которого была любимая присказка: «война план покажет», он, к слову, довольно успешно пользовался в сво-

ей боевой работе – практически все разведданные по близлежащим кишлакам реализовывались именно через его батальон. Да и как иначе? Во всей провинции Саманган батальон Игнатенко – единственная боевая единица советских войск. В своей зоне ответственности от Ташкургана до перевала Мирза-Атбели, батальон охранял трассу: Хайратон – Кабул, обеспечивал работоспособность проходящих здесь двух ниток трубопровода, по которым под высоким давлением подавались бензин, авиакеросин и дизтопливо, и в целом, Игнатенко со своими подчинёнными поддерживали зыбкий мир и относительную безопасность на этом участке испокон века немирной и небезопасной земли. Это осознавали и местные власти, назначенные Наджибуллой, и противостоящие им банды моджахедов, поддерживаемые недругами СССР, понимали это и сам Игнатенко и, конечно, Василий Петрович.

Надо заметить, что зона ответственности выпала Игнатенко непростая. Территория провинциального центра Айбак – столицы провинции Саманган занимала достаточно большую площадь в долине одноимённой реки. К югу от Айбака начиналось тридцатикилометровое ущелье Дараи-Зиндан. По его дну текла река Саманган, а с обеих сторон ущелья высились отвесные четырёхсотметровые скалы. Вдоль упомянутой реки, там, где ширина ущелья позволяла, располагались зелёнка и кишлаки. Закон Афгана неизменен: где есть вода, там есть растительность и жизнь.

Военная обстановка в провинции летом 1983 года была крайне напряжённой. Из всех населённых пунктов один только Айбак контролировался правительственными войсками и царандоем, но и он только в центральной своей части. Остальная территория находилась под контролем разных бандформирований, которые выходили поживиться и на трассу Хайратон – Кабул и к трубопроводу. После их обстрелов наливников и трубопровода то там, то тут вспыхивало красное пламя, видимое на десяток километров. Но ещё больше хлопот приносили диверсии с целью наживы – душманы в светлое время суток подкрадывались к трубе, ручными свёрлами делали в ней отверстия, затыкали их деревянными пробками – чопиками, а по ночам извлекали затычки и наливали горячее в канистры. Не раз и не два бойцы Игнатенко, поднятые по тревоге или заблаговременно предупреждённые ГРУшниками, захватывали караваны по тридцать и более верблюдов, нагруженных заполненными горючим канистрами.

Бандформирования с завидной регулярностью нападали на колонны и на сам гарнизон. Особенно дерзким был главарь Вакиль Дивана, чья банда хозяйничала в зелёнке в непосредственной близости от места дислокации батальона. Душманы донимали Игнатенко, обстреливая территорию гарнизона не только из стрелкового оружия, но и из миномётов. Кличка у этого борца за веру говорила сама за себя: Дивана на дари обозначало – юродивый, а проще говоря – сумасшедший. Этого безбашенного главаря даже сами афганцы не любили, побаивались и называли меж собой беспределщиком.

Но, кроме шайки Дивана, в ущелье и других банд было видимо-невидимо: у каждого кишлака – своя банда. Они практически ежедневно совершали диверсии на трубопроводе и нападения на колонны. Действовали неожиданно и умело. Совершив налёт, тут же воз-

вращались в свои кишлаки, где сразу же превращались в мирных дехкан, улыбающихся «шурави» и с благодарностью принимающих от них гуманитарную помощь в виде мешков с мукой и сахаром. Доставка этих перевёртышей, выковырять их из родных кишлаков никак не получалось. Хотя, по наводке того же Василия Петровича, проводились несколько раз войсковые операции, но толку от них не вышло никакого. Пока роты Игнатенко шли с двух сторон поперёк каньона, а батальоны афганской армии прочёсывали кишлаки на дне ущелья, моджахеда через кяризы и тайные тропы каждый раз заблаговременно уходили и прятались по пещерам. Оттуда их и бомбоштурмовыми ударами выкурить не представлялось возможным, и никакими ухищрениями ГРУшников выманить не удавалось.

И всё же работа разведчиков в условиях постоянного враждебного окружения была просто незаменимой. Игнатенко, понимая это, поддерживал дружеские отношения с их командиром и сам, похоже, вызывал в нём такие же добрые чувства.

Василий Петрович по возрасту и воинскому званию был старше Игнатенко, но подчеркнуто относился как к равному, а в служебных вопросах – как к начальнику гарнизона.

Вот и на этот раз, когда они остались с Игнатенко наедине, Василий Петрович заговорил по-дружески и без обиняков:

– Сергей Алексеевич, вот такое дело: надо нам с тобой съездить на переговоры. На меня через моего человека вышли главари трёх банд, которых этот бешенный Вакиль Дивана тоже достал. Они хотят, чтобы мы совместно его потрясли. Обещают его загнать в ущелье, а тебе надо будет по нему сверху ударить.

– Что же получается, Василий Петрович: мы на стороне духов должны будем воевать? Исполнять желание одних бандитов по устранению другого?

– А нам какая разница? Всё равно, на стороне духов или самостоятельно, главное этому Вакилю хвост прищемить!

– Ну, прищемим ему хвост, а что дальше?

Василий Петрович усмехнулся:

– Война план покажет! Если всё у нас с тобой получится, главари обещали отправить делегацию в Ташкуртан и договориться с тамошними бабаями, чтобы они не обстреливали больше наши колонны и не трогали трубопровод в твоей зоне ответственности.

Игнатенко поскрёб затылок. То, что говорил ГРУшник было актуальным и перекликалось с задачей, которую вчера поставил перед ним комполка – больше работать с местным населением и постепенно начать договариваться с руководителями бандформирований во избежание ненужных жертв с обеих сторон.

– Когда поедет, Василий Петрович, сегодня? – спросил он.

Грушник замаялся:

– Понимаешь, Сергей Алексеевич, тут есть одна особенность... Нам надо будет выехать с тобой ночью. На твоём бронетранспортёре. Место встречи я укажу дополнительно. Вернее, я пока его сам не знаю. Нам надо будет двигаться по трассе. С правой стороны трассером укажут место, где нас будут ждать. Там и остановимся. На переговорах будем

я, мой переводчик и ты. Оружия с собой брать нельзя. И радиостанцию тоже придётся оставить в гарнизоне... Таково условие с их стороны.

Представив такую ночную поездку по району, напичканному бандами, Игнатенко внутренне поёжился, хотя и был человеком далеко неробкого десятка:

– Ну, ты даёшь, Василий Петрович... Ночью, в зелёнку и без оружия... – поскреб он затылок. – Да там за каждым кустом – по душману и все оружием с головы до ног обвешаны! А мы с тобой даже перочинного ножичка взять не можем...

– На той стороне мне обещали, что всё будет нормально.

– Неужели ты веришь «духовским» обещаниям? Для них обмануть неверного сродни подвигу...

– Так оно, конечно, но интуиция мне подсказывает, что на этот раз можно поверить...

При слове «интуиция» Игнатенко поморщился, как при зубной боли, хотя и сам на эту капризную госпожу зачастую полагался. Но всё-таки возможность повстречаться с врагом лицом к лицу и без оружия оптимизма у него не вызвала.

– Кстати, объясни, я-то здесь при чём? Это ведь ваши штучки: внедрение, вербовка, тайные переговоры... – как будто ища пути для отступления, поинтересовался он.

– Опять ты прав, Сергей Алексеевич: специальные операции – мой хлеб, – понимающе усмехнулся Василий Петрович и развёл руками. – Но бабаи сказали, что командор шурави-батальона должен быть на переговорах обязательно. Или ты забыл, что сам мне всегда повторял много раз: у тебя – сила, ты – гарант!

Игнатенко нечем было возразить подполковнику. Действительно, у комбата под началом проверенный в боях личный состав и серьёзная огневая поддержка – приданная батарея 122-миллиметровых гаубиц Д-30 и танковый взвод.

А Василий Петрович продолжал выкладывать аргументы моджахедов:

– Они говорят, дескать, мы командора шурави-батальона в лицо знаем, мы его слову верим. – Он вскинул такие же как у самого Игнатенко васильковые глаза, и сказал главное. – Мы, конечно, рискуем, Сергей Алексеевич, но, пойми, мил человек, если дело выгорит, столько наших ребят спасём...

– Да, к чему столько слов... – устыдился вдруг собственных колебаний Игнатенко. – Раз надо, значит, поедем!

– Ну, вот и договорились. Только одна просьба у меня к тебе, Сергей Алексеевич: никому о нашем разговоре ни слова. Даже своему начштаба... Если где-то протечёт, нас просто заруют, а перед этим шкуру с живых снимут.

– Ты всегда находишь, чем успокоить... – настала очередь усмехнуться Игнатенко, но усмешка у него вышла кривою.

Спустя два дня Василий Петрович, заглянул во время обеда в офицерскую столовую батальона и шепнул Игнатенко на ухо:

– Сегодня в двадцать два часа выдвигаемся.

– Я буду готов! – кивнул Игнатенко.

В назначенное время они выехали из гарнизона на БТРе комбата и двинулись по трассе в сторону перевала Саланг. Дорога была пустынной. Они проехали по ней километров семнадцать, когда справа хлопнул выстрел и ночную тьму прорезал красный трассер.

– Тормози! – свесившись вниз, приказал Игнатенко водителю.

БТР остановился. Василий Петрович, переводчик и Игнатенко спрыгнули на землю. Из люка высунул голову сержант:

– Товарищ майор, а нам что делать, в случае чего?

– Услышите стрельбу, Мирзоев, лупани по зелёнке из всех стволов и немедленно возвращайтесь в гарнизон... – негромко отдал указание Игнатенко.

В это время из темноты вышел весь замотанный в ткани моджахед с автоматом наперевес. Он махнул рукой, призывая следовать за ним, и первым углубился в зелёнку. Парламентёры двинулись следом. Впереди – переводчик, вторым шёл Василий Петрович, замыкал колонну Игнатенко. Сквозь мрачные заросли, рискуя напороться на ветки, шли по каким-то едва заметным и перевитым корнями тропам около полукилометра. Пахло ночной сыростью и свежим кизяком, как будто двигались они по овечьей тропе. Заросли расступились. То слева, то справа стали возникать какие-то едва различимые дувалы, затем снова потянулась зелёнка, и опять дувалы. Спина у Игнатенко, хотя ночь была довольно прохладной, взмокла от напряжения, которое всё нарастало. В душе от неизвестности кошки скребли.

Наконец, они подошли к высокому дувалу. Сопровождающий отыскал в нём какой-то узкий проход и первым протиснулся в него. Нырнув следом за ним в тесную щель, парламентёры оказались во дворе перед глинобитной мазанкой. У входа, прикрытого домотканым пологом, топтался вооружённый бородач, показавшийся Игнатенко точной копией сопровождающего. Он узнал проводника, молча откинул полог, предлагая парламентёрам войти. Сопровождающий и охранник остались снаружи.

В помещении, похожем на предбанник, ослепительно ярко после темноты горели свечи. На полу сидели четыре бородастых афганца-бабая, в чалмах, с автоматами на коленях.

Ничего не говоря, один из них указал рукой на следующий проём, мол, проходите дальше.

Во второй комнате с такими же грязными глиняными стенами и низким потолком так же ярко полыхали свечи. На полу был расстелен толстый ковёр с богатым орнаментом, на котором, поджав ноги, сидели трое бородастых «духов» в традиционных длинных афганских рубахах до колен, с автоматами «Калашникова» в руках.

Один из моджахедов, очевидно старший по возрасту, предложил вошедшим сесть и начался долгий, традиционный обмен приветствиями, которые старательно переводил таджик-переводчик. Отвечая на вопросы о его здоровье, о здоровье его отца и матери, о том, успешны ли его дела и дела его батальона, Игнатенко всё время хотелось ущипнуть себя, настолько сюрреалистической казалась ему ситуация, и только холодные струйки пота, стекающего по спине, убеждали, что всё происходящее – реальность.

Наконец, дошло и до сути переговоров. Старший из бабаев неожиданно коротко и ясно, почти слово в слово так, как говорил два дня назад Василий Петрович, изложил их предложения. Подполковник в ответном слове чётко обрисовал видение проблемы и путей её решения со стороны «шурави».

Душман, выслушав его, повернулся к Игнатенко и через переводчика спросил, гарантирует ли командор шурави-батальона выполнение условий заключаемого сейчас соглашения.

Игнатенко молча кивнул.

Моджахеды заулыбались и вознесли хвалу Аллаху.

– Начнём через три дня. К вам придёт один из нас, чтобы указать цели для удара и место, откуда надо стрелять, – старший душман скосил взгляд на сидящего от него справа бородача.

– Хоп, – согласился Василий Петрович. Это тюркское «ладно» было понятно «духам» и без перевода.

И снова началась длинная церемония – теперь уже прощания. После всех поклонов и пожеланий доброй дороги, парламентарёры вышли из мазанки, и тот же проводник, что привёл сюда, проводил их назад к дороге. При этом обратный путь показался Игнатенко куда короче, чем прямой. Они благополучно вернулись в гарнизон.

В назначенное время, как и было обещано, к месту дислокации «шурави» приехал один из трёх участвовавших в переговорах главарей. На карте он довольно толково, как будто был выпускником советского военного училища, показал, откуда и куда погонят моджахедов Вакиля Дивана, где командору шурави-батальона лучше разместить орудия и танки, и пообещал, что завтра, ровно в семь утра будет ждать на этом месте командора шурави-батальона и его людей.

Всё ещё ожидая от моджахедов подвоха, Игнатенко заблаговременно отправил к месту встречи своих разведчиков и лишь после их доклада, что засады нет, выдвинулся туда сам.

Остальное происходило в точном соответствии с намеченным планом. «Духи» дружественных бандформирований погнажи «духов» беспредельщика Дивана по ущелью, выдавливая их на окраину кишлака, куда и должен был нанести свой артиллерийский удар Игнатенко. Удар был точным, и следивший в бинокль за тем, как убивают в каньоне его единоверцев, бородатый главарь, только что стоявший с каменным лицом, вдруг радостно запрыгал, как ребёнок, впервые увидевший праздничный салют. Потом, к вящему удивлению Игнатенко, он даже совершил какой-то ритуальный танец, прихлопывая в ладоши и напевая что-то себе под нос.

– О чём он поёт? – поинтересовался Игнатенко у переводчика.

– Благодарит Аллаха, что дал ему возможность увидеть смерть его кровного врага Дивана... – пояснил таджик.

Главарь, закончив свой танец с песнопениями так же неожиданно, как начал, долго жал руки Игнатенко и Василию Петровичу, клялся святым пророком Мохаммедом, что все обещания, данные «шурави», будут выполнены.

В обещания врага, хоть и оказавшегося временным союзником, верилось с трудом. Но «дух» не обманул. Через неделю он и двое других главарей на УАЗике местной администрации отпраздновали в Ташкурган, и Игнатенко снова, теперь уже днём и при оружии, пришлось сопровождать их, как признанному гаранту мирного процесса. Он, в очередной раз рискуя, оказался в самом логове моджахедов этого района. Но не зря говорят, что риск – благородное дело. Дневные переговоры тоже прошли успешно: было заключено мирное соглашение с ташкурганскими моджахедами.

Это соглашение соблюдалось неукоснительно. За всё время, пока Игнатенко командовал батальоном, колонны в его зоне ответственности не подвергались «духовским» обстрелам, а число диверсий на трубопроводе снизилось в несколько раз.

Василий Петрович вскоре после этих событий уехал в Союз по замене, и Игнатенко за время службы в армии с ним больше не встречался.

Сам комбат досрочно получил звание подполковника и после возвращения из Афганистана поступил в военную академию имени Фрунзе, окончил её с отличием и долго командовал мотострелковым полком в Уральском военном округе. В середине девяностых годов, не в силах спокойно взирая на то, что творится с его родной армией, Игнатенко, будучи уже полковником, написал рапорт на увольнение в запас и осел в Екатеринбурге.

Здесь его неожиданно разыскал соратник по Афганистану Василий Петрович. Бывший ГРУшник к тому времени стал генеральным директором одной из региональных нефтяных компаний и предложил Игнатенко пойти к нему начальником службы безопасности. Время тогда было лихое, всюду шёл передел бывшей народной социалистической собственности, ставшей вдруг капиталистической и частной, и даже в центре областного города то и дело звучали выстрелы и лилась кровь.

Игнатенко, не раздумывая, согласился.

Новая работа, хотя и потребовала новых знаний и навыков, но в целом понравилась ему. Своей непредсказуемостью она напоминала Игнатенко период боевой службы «за речкой», но в то же время требовала и определённых дипломатических навыков, мудрости и выдержки. И того, и другого, и третьего у полковника запаса было достаточно.

Однажды в служебной командировке в Тобольск, где у Василия Петровича должны были состояться очередные переговоры с деловыми партнёрами, у Игнатенко внезапно случился обширный инфаркт. Он упал на пол и захрипел прямо в приёмной тамошнего начальника, где дожидался выхода своего «шефа». По счастливому стечению обстоятельств, «скорая» приехала быстро, городская клиническая больница оказалась рядом, и тобольские врачи были специалистами высокого класса. Им удалось буквально вытащить пациента с того света.

Когда дело пошло на поправку, молодой хирург, делавший операцию Игнатенко, сказал: – Повезло вам, Сергей Алексеевич. Ещё бы пару минут, и поймать тромб, который оторвался у вас в аорте, мы не успели бы... А сердце-то у вас и так подраненное, всё в рубцах. Как минимум, пару микроинфарктов вы когда-то на ногах перенесли... Так что в

рубашке вы родились... Но впредь, настоятельно рекомендую вам своё сердце поберечь! Регулярно принимайте лекарственные препараты, соблюдайте режим питания и побольше гуляйте на свежем воздухе. И главное – не допускайте впредь физических перегрузок и стрессовых ситуаций...

– Я буду стараться, доктор, – пообещал Игнатенко, не преминув про себя добавить памятное: война план покажет...

ЗОЛОТОЙ МЕДАЛИСТ

Капитан Кондратюк сидел за столом дежурного по политическому управлению Краснознамённого Уральского военного округа и машинально перелистывал журнал учёта происшествий. Переводя взгляд с одного телефона на другой, он размышлял о том, что его нынешнее дежурство – это чистой воды профанация, а точнее, перестраховка, ибо на два этажа ниже, прямо под ним, располагался оперативный дежурный округа с целой свитой помощников. Они неусыпно следили за всем, что делается в войсках округа на обширной территории по обе стороны Уральского хребта. Дежурство Кондратюка – это своего рода наблюдение за наблюдающими, партийно-политический контроль за работой штабных служб. Будучи инструктором отдела пропаганды и агитации, Кондратюк, конечно, осознал, что политорганы в Советской Армии и Военно-морском флоте, как полномочные представители КПСС, должны вести свой собственный учёт всему, чем живёт и дышит военный округ. Но, осознавая всё это, всё же недоумевал и надеялся, что предстоящая ночь пройдёт без ЧП.

А ещё Кондратюк мечтал, что чуть позже, когда темнота войдёт в свои законные права и на главной улице Свердловска за штабным окном вспыхнут жёлтые, как молодые одуванчики, фонари, он достанет припасённую для дежурства книгу Паустовского и с головой уйдёт в захватывающую прозу, на страницах которой пленяют и «водянистая полоска рассвета», и «старательные глаза застенчивого молодого солдата», и сверкающие алмазными гранями мудрые мысли...

Читать Кондратюк с детства любил, но раскрыть книгу на этот раз не удалось.

Требовательно и властно зазвонил телефон засекреченной связи – «ЗАС». Матовый, цвета слоновой кости, с выпуклым гербом СССР на телефонном диске, аппарат стоял чуть в стороне от других, словно держа дистанцию – только генералы и полковники из самых высоких инстанций могли позвонить по этому телефону. И отвечать на его звонки дежурный по политуправлению должен был соответственно – важно и многозначительно: «У аппарата члена военного Совета дежурный по политическому управлению Краснознамённого Уральского военного округа капитан такой-то...».

Сняв трубку и услышав булькающее: «Ал-ло-у», Кондратюк внутренне напряжился, расправил плечи и представился положенным образом.

Телефонная трубка пробулкала в ответ:

– ...У аппарата начальника-у особого отдела КГБ по-у Белорусскому военному округу капитан Лебеде-ув...

Заскребенная связь была специфической. Она так изменяла голос и корёжила некоторые слова, что Кондратюк вынужден был переспросить:

– Вас не понял. Прошу повторить!

– Андрюха-у, да что-у ты не понял?.. Это я-у – Серёга Лебеде-ув из семьдесят четвёртого классного-у отделения...

Связь стала устойчивей, и Кондратюк узнал знакомые интонации в голосе далёкого абонента.

– Птица, ты что ли? Откуда? – ошарашенно, и всё ещё не веря своим ушам, снова переспросил он.

– Я-у, я-у... – живо отозвался Лебедев. – Узнал по-у своей линии, что-у ты сегодня дежуришь... Дай, думаю, позвоню однокашнику-у...

Сергей Лебедев, по прозвищу Птица, среди курсантов Курганского высшего военно-политического авиационного училища был и впрямь «птицей» особого полёта. Уже на первом году обучения он чем-то приглянулся училищному начальству и был избран секретарём комитета комсомола курса. Щуплый, невысокого роста, сутуловатый, с пепельной чёлкой, низко спадающей на серые, почти бесцветные глаза, и незапоминающим лицом с каким-то недовольным выражением, он обладал всё же неким магнетизмом. Вокруг него всегда теснились однокашники, к нему прислушивались сержанты, командиры взводов и даже строгий командир роты. На выборных должностях Лебедев оставался все годы обучения: до третьего курса руководил уже упомянутым комитетом комсомола, а затем стал членом парткома батальона. Несмотря на все эти посты, он умудрялся сохранять добрые отношения с однокурсниками и не поссориться командирами, а также удерживать звание Ленинского стипендиата, дававшее ему повышенное денежное довольствие в сто рублей, тогда как все остальные курсанты получали на разных курсах от восьми рублей с копейками до пятнадцати.

Уже на втором курсе всем было ясно, что ведут Лебедева на золотую медаль. В учёбе он не особенно блистал, но преподаватели ставили ему на экзаменах пятёрки, понимая и общественные нагрузки экзаменуемого, и руководящую линию – стипендиат обязан быть отличником!

Кондратюк отличником никогда не был, но и отстающим тоже. На втором курсе его неожиданно выбрали в бюро ВЛКСМ роты, и он стал больше общаться с Лебедевым, участвовать в разных молодёжных делах и инициативах.

Однажды Лебедев, Кондратюк и ещё два курсанта-активиста Процик и Бумдаладзе оказались в составе группы, выезжающей на три дня в подшефный пионерский лагерь неподалёку от Кетово – районного центра, славящегося своим животноводческим комплексом. Перед самым въездом в райцентр на каменном постаменте возвышался огромный

бронзовый бык. Каждый год, накануне выпуска, курсанты-четверокурсники надраивали быку до блеска рога и причиндали, несмотря на милицкий пост, выставаемый поблизости. Зачем это делалось, с риском угодить в милицию и испортить себе выпускные торжества, никто объяснить не мог, но традиция эта неукоснительно соблюдалась.

В пионерском лагере курсантов уже ждали, чтобы дать старт военно-спортивной игре «Зарница». Курсанты – каждый со своим отрядом – весь день до одури бегали по сосновому бору, искали спрятанные «пакеты с секретной информацией», устраивали «за сады», брали «пленных», переносили «раненых».

Вечером, когда для уставшей ребятни трубач протрубил «отбой» и курсанты надеялись завалиться в кровати, Лебедев неожиданно бодро сказал:

– Мы идём на праздничный ужин! Девчонки из столовки приглашают...

– Товарищеская встреча с местными комсомолками? – мерзко подхихикнул Процик.

Но комсомольский вожак своего земляка-кураянина одёрнул:

– Ты, Толя, давай, без намёков! Мы – будущие политработники. Идём укреплять тылы!

Комсомолки-поварихи, студентки кулинарного техникума на производственной практике, расстарались: в комнате для поваров накрыли стол. В большой сковородке дымилась жаренная картошка, аппетитно поблёскивал зелёный лучок в салате из помидоров, политом пахучим подсолнечным маслом, здесь же – открытая банка килек в томате. Завершали натюрморт две бутылки дешёвого плодово-ягодного вина, которым в Зимбабве негров травят, в США заборы красят, а в СССР граждан поят и – никто пока не отравился.

Четыре девахи – румяные и простодушные – радушно усадили курсантов за стол и стали потчевать.

Курсанты ели с аппетитом, говорили ни о чём, но было весело. После ужина, спонтанно разделившись на пары, разбрелись в разные стороны по спящим лесным дорожкам.

Доставшаяся Кондратюку спутница – толстая, в два обхвата, девушка по имени Света – никаких романтических чувств не вызывала. Ему куда больше понравилась хрупкая пионервожатая, с которой он носился на «Зарнице», но она на его дневные ухаживания ответных чувств не проявила.

Погоуляв со Светой полчаса по окрестностям, отмахиваясь от голодных комаров, Кондратюк вернулся к себе в корпус. В комнате ещё никого не было.

Кондратюк улёгся в кровать и уже было заснул, когда на веранду с шумом ввалились Процик и Бумдаладзе, обсуждая свои любовные подвиги. Голоса у них звенели, как набат, но Кондратюк так вымотался за день, что заснул, несмотря на бравурные возгласы товарищей.

Проснулся он от храпа соседей ещё до пробудки и увидел, что кровать Лебедева пуста. Ленинский стипендиат появился в комнате за несколько минут до сигнала пионерского горна.

Он уселся на кровать и вытянул ноги. Серое лицо его, как всегда, ничего не выражало.

– Как ты, Птица, в порядке? – вполголоса спросил Кондратюк.

Лебедев ушёл вчера с Валентиной. Рослая, фигуристая девица, в застолье выступавшая заводилой, была на голову выше Сергея.

– Затеяливая комсомолка попалась, – многозначительно сообщил Лебедев. – Увела меня подальше в лес и полезла на развесистую берёзу.

– А ты?

Лебедев устало откинулся на подушку и прикрыл глаза:

– И я полез!

– Ну, а дальше-то что? – окончательно проснулся Кондратюк.

Лебедев сказал с деланным равнодушием:

– Ну, примостился рядом с ней. Она меня как к стволу притиснула... Так до рассвета и не выпускала из своих объятий...

– Что же вы всю ночь на берёзе просидели? – развеселился Кондратюк. – Да ты – герой, Птица! Настоящий орёл!

Лебедев потянулся, закинув руки за голову:

– Ну, орёл не орёл, а сытным хавчиком на всё время пребывания в лагере нас обеспечил! Валюшка пообещала! Она тоже, оказывается, комсомольский секретарь. Сказала – значит, сделает!

И, действительно, кормили их в пионерлагере два оставшихся дня, как на убой. Эти сытные летние дни они ещё не раз вспоминали в училище, где разносолами их не баловали.

На стажировке после третьего курса Кондратюк с Лебедевым попали командирами взводов в отдельный батальон аэродромно-технического обеспечения. Батальон обслуживал полк фронтовой бомбардировочной авиации в городке Черляны подо Львовом. Комбат тут же загрузил прибывших курсантов таким объёмом обязанностей и поручений, словно хотел за месяц сделать всё, что не было сделано за минувшие годы: и ленинские комнаты отремонтировать, и дисциплину подтянуть, и разные хозяйственные работы выполнить. В офицерское общежитие они возвращались затемно, и то, если не оказывались помощниками дежурного по батальону или ответственными в роте. Если же добавить к этому ночные полёты, разгрузку угля на ближней железнодорожной станции, выкашивание травы вокруг аэродрома и копание траншей при прорыве канализации, то было вообще непонятно, как они ещё держатся на ногах.

Через две недели комбат, словно закончив проверку на прочность, смилостивился и предоставил им первый выходной. Надев парадную форму, курсанты отправились на танцы в гарнизонный Дом офицеров. Представительниц женского пола там явно не доставало, и Кондратюк весь вечер простоял в сторонке, наблюдая за счастливыми парами, нашедшими себе пару. Лебедев танцевал с высоченной – на полторы головы выше него – и весьма пышногрудой девицей Мариной. Кондратюк уже заметил, что Лебедеву нравятся именно такие девушки...

На следующий день курсанты снова погрузились в служебные заботы. Только теперь, возвращаясь в гостиницу, Лебедев переодевался в гражданку и спешил на свидание со своей новой пассией, которая оказалась дочерью заместителя командира авиаполка. Свидания эти продолжались почти до самого конца их пребывания в Черлянах, пока Марина не захотела познакомить Лебедева со своей мамашей.

Лебедев вернулся с означенного randevу неожиданно быстро.

– Андрюха, ты не представляешь себе какая у Марины маман круглая дура... – с порога посетовал он.

– Ну, что ж ты так о будущей теще? – заинтересовался Кондратюк.

– Да, какая теща!.. Оглядела меня сверху вниз и говорит: «Мариночка, что это ты себе такое низенькое строеньице подыскала... Этажности явно не хватает!».

Кондратюк едва не поперхнулся:

– А ты что, Серёга?.. Неужели стерпел?

– Нет, конечно. Я так же демонстративно окинул её взглядом с головы до ног и отчеканил: «К вашему сведению, мадам, у высотных зданий обычно плохо меблируются чердаки». Тут у неё челюсть и отпала, а я вежливо откланялся... Ну не получилось с маман подружиться, значит, и тещей ей не быть, если она самого главного не понимает...

– Может, оно и к лучшему, – согласился Кондратюк.

Лебедев уселся на стул в позе роденовского мыслителя и сказал задумчиво:

– Да, женщины безжалостнее, чем естественный отбор... Нельзя позволить им почувствовать свою власть над собой. Ты читал Кафку?

– Не доводилось.

– Очень мне нравится, что он о женщинах пишет. Называет их капканами, которые повсюду дожидаются мужчин, чтобы затащить их обратно в Конечное... Женщины – они и есть настоящие капканы, – Лебедев вскочил со стула и энергично потёр ладони. – Так, Андрюха! Коль скоро мы этих капканов на данный отрезок времени избежали, пойдём-ка осмотримся на местности. А то ведь месяц, почитай, на львовщине, а ничего, кроме гарнизона и железнодорожной станции, не видели...

Они вышли за ворота и пошли в сторону ближайшего села, до которого на глаз было километра три-четыре. В окрестные сёла им рекомендовали не соваться: русских и солдат в особенности там не любили и бывали случаи нападений на военнослужащих и избиения их... Но молодость жаждет приключений и не ведает страха...

Стояла жара. В июльском небе – ни облачка. Послеполуденное солнце нещадно слепило глаза и, казалось, догла выжигало округу. Трава на обочинах пожухла, на деревьях вдоль шляха, по которому они шагали, вздымая тяжёлую золотистую пыль, мелькали первые пожелтевшие листья. На лугу звонко трещали кузнечики. Слепни вились над ними назойливой стайкой, периодически пикируя вниз и заставляя отмахиваться от них пилоткой, сдёрнутой с головы. Пока дошли до ближайшей околицы – взмокли, хэбэшки навсквозь пропитались потом. Нестерпимо мучила жажда.

Хаты в селе – все, как на подбор: добротные, каменные, крытые шифером и листовым железом – не чета белёным мазанкам, что мелькали в окне поезда, когда проезжали по восточной Украине. Все дома прятались за высокими, крепко сколоченными заборами, так, что вблизи только крыши виднелись.

И во всём селе – ни одной колонки с водой.

Они постучали в ворота первого дома – отозвалась хозяйка:

– Кто?

– Солдаты! Водички бы испить, хозяйюшка...

– Немае воды.

Отошли, переглянувшись: как это – нет, если колодезный журавель из-за забора торчит.

Стукнули в другой дом. Та же история: нет воды – и всё тут. Во всём, словно вымершем, селе им так никто и не открыл калитку и не подал кружку воды.

Как говорится, несолоно хлебавши, поплелись в обратный путь, шевелия пересохшими губами:

– Что ж это такое, Серёга! Мы – в Советском Союзе или в каком-то вражьем стане?

– Сам ничего понять не могу! Что за люди? У нас в деревне, когда солдаты идут, ребятня из калиток выбегает, руками машут. Хозяйки пироги и крынки с молоком выносят, яблоками угощают... А чтобы так вот – воды не дать напиться... Бандеровцы недобитые! Это Хрущёв всё с западенцами заигрывал, раньше времени их амнистировал... Вот и дозаигрывался!

– Ты, смотри, в училище такое не ляпни, а то вылетишь за клевету на советскую действительность, и золотую медаль свою не получишь!

– Да какая же это клевета? Чистая правда! А за чистую правду из училища не исключают.

– Исключить могут за всё... – глубокомысленно изрёк Кондратюк. И его пророчество чуть было не сбылось.

На четвёртом курсе, когда уже в ателье Кургана для будущих лейтенантов были пошиты на заказ первые мундиры, и уже примерки состоялись, умудрился Лебедев попасть в переделку. На танцах в ЦПКиО он вступился за девушку, к которой приставал пьяный мужчина. Завязалась драка, вызвали милицию, и Лебедев вместе со своим противником очутился в отделении. Пьяный оказался офицером внутренних войск, и их обоих передали в комендатуру. Тут же обо всём доложили начальнику училища, и тот стгоряча объявил Лебедеву трое суток ареста.

Вернувшись в казарму, Лебедев, ещё более сумрачный, чем обычно, поделился с Кондратюком своими опасениями:

– Не видать мне, Андрюха, медали... Фингал офицеру мне не простят...

Но инцидент неожиданно не получил дальнейшего развития. Ни тебе общего собрания курсантов, ни заседания парткома... Даже в карточку дисциплинарных проступков трое суток ареста не занесли.

Говорили, что за Лебедева вступились начальник политотдела и училищный особист – майор Фицев.

Этот майор был личностью загадочной и неуловимой. За четыре года учёбы Кондратюк видел его вживую один или два раза и то издалека. Кабинет у майора располагался в бараке за санчастью. Там же размещались почтовое отделение связи и тыловая служба училища. Никогда не поймёшь, куда идёт тот или иной курсант – в кабинет к Фицеву или на почту за посылочкой...

Злые языки утверждали, что комсомольский и партийный вожак Лебедев с особистом водил особую дружбу, но Кондратюк считал, что Фицев помог его другу избежать наказания за драку по справедливости: кому же ещё чекист должен был помочь, как ни Ленинскому стипендиату и активисту?

В общем, Лебедев получил-таки свою золотую медаль и после выпуска из училища распределился в Белорусский военный округ, и связь с ним на несколько лет оборвалась.

С тех пор, как Лебедев вышел на связь из Минска, они с Кондратюком стали периодически созваниваться и обмениваться письмами. Кондратюк узнал, что Лебедев прослужил год замполитом роты, затем окончил Высшие курсы военной контрразведки в Новосибирске и перешёл в особый отдел КГБ при Белорусском военном округе. Новое место службы бывшему Ленинскому стипендиату нравилось, скоро обещали выдвинуть его на новую должность. О том, что это за должность, Лебедев умолчал по соображениям секретности, но вскользь заметил, что участок работы доверят ему ответственный. Также он поведал, что женат. Жена Мария – красавица и родом из его же деревни. Он заприметил её ещё школьницей, дождался, когда подрастёт, женился, и вот теперь у них растёт сын Гоша, а супруга работает концертмейстером в областной филармонии.

Лебедев всякий раз приглашал Кондратюка в гости:

– Будешь в Минске, обязательно заходи! Живём мы в самом центре, на улице Комсомольской... Можешь нагрянуть в любое время, безо всяких церемоний. Мы с Машей будем рады... Она у меня такая хозяйюшка...

Кондратюку очень хотелось повидать Лебедева, который, если уж положить руку на сердце, можно сказать, осуществил его собственную юношескую мечту служить в КГБ. Да и на красавицу Машу посмотреть тоже хотелось: кого же выбрал в спутницы жизни золотой медалист и Ленинский стипендиат?..

Но служебная командировка в Белоруссию как-то не складывалась.

Так продолжалось несколько лет, пока военная планида всё-таки не забросила Кондратюка в Минск, где проводились всеармейские сборы офицеров-пропагандистов.

Столица советской Белоруссии поразила широкими проспектами и просторными площадями, чистотой и какой-то размеренностью жизни, выгодно отличающей её от Москвы и других крупных городов, где Кондратюку довелось побывать. А ещё диковинным было то, что в магазинах свободно продавалось бутылочное пиво, когда на Урале таковое

можно было получить только в подарочных наборах к празднику, а за разливным любителем пенного напитка простаивали длиннющие очереди у пивных ларьков. В кинотеатрах всюю показывали документальный фильм Рязанова «Четыре встречи с Владимиром Высоцким», куда армейских пропагандистов, к удивлению Кондратюка, привели на коллективный просмотр, а затем устроили обсуждение. Словом, заявленная ЦК КПСС перестройка, широко шагавшая по стране, здесь бежала впереди паровоза.

Плотный график сборов был расписан практически по минутам, но Кондратюк всё же улучил время и однажды вечером отправился в гости к Лебедеву.

Доехав подземкой до станции Немига, Кондратюк зашёл в ближайший магазин, купил торт и бутылку коньяка, затем безо всякого труда отыскал нужную ему улицу и дом.

Поднялся на третий этаж и позвонил в квартиру, предвкушая, как обрадуется Сергей его появлению, как посидят за дружеским столом, вспоминая родное училище и однокурсников...

Дверь открыл незнакомый квадратный мужчина с тяжёлым, словно высеченным из гранита, лицом. Взглядом незнакомец как будто придавил Кондратюка и расплющил.

Мужчина довольно грубо спросил:

– Вам кого?

– Лебедева Сергея Васильевича, – оторопел Кондратюк, увидев незнакомца.

– Нет тут такого, – отрезал мужчина.

– Как же нет? Это квартира двадцать девять?

Квадратный мужчина ответил ему вопросом на вопрос:

– А вы, кто такой? Представьтесь! – скосил он взгляд на майорские погоны Кондратюка.

Кондратюк внезапно разозлился:

– Я – друг Сергея Васильевича. А вы кто? Что за допрос мне устроили?

Мужчина сунул ему под нос невесть как оказавшиеся в его руках красные «корочки», с золотым тиснением. Кондратюку сразу бросились в глаза три заглавных буквы «КГБ», а на развороте – звание «майор». Краска прихлынула к его щекам.

Кэзэбэшник властно потребовал:

– Предъявите ваши документы.

Кондратюк растерянно полез в карман за удостоверением личности офицера и командировочным предписанием.

Кэзэбэшник внимательно изучил оба документа:

– Вы, товарищ майор, приехали на сборы. Так почему по городу бродите, в чужие квартиры трезвоните? Вам что – заняться больше нечем?

Кондратюк снова разозлился:

– У нас сейчас личное время. Я – старший офицер, сотрудник политического управления округа, а не какой-то военнослужащий срочной службы, чтобы мне за пределы казармы выход был запрещён без увольнительной записки... И вообще, на каком основании

вы со мной разговариваете в таком тоне? Я вас спросил, товарищ майор, могу ли я видеть Сергея Васильевича Лебедева? Вы не ответили. Скажите прямо: если Лебедев здесь не живёт, то, где я могу его найти?

Кэгэбэшник неожиданно смягчился:

– Ну, ладно, майор, не кипятись. Если был неправ, извини. Но, послушай сюда... – он перешёл на «ты». – Забудь этот адрес, наш разговор, и главное – больше никогда не ищи Лебедева. Поверь, так будет лучше для тебя и для него. Для всех нас... Уяснил? Тогда, честь имею! – и захлопнул перед носом Кондратюка дверь.

Постояв с минуту перед закрытой дверью, ничего не понимающий Кондратюк, чувствуя себя абсолютно раздавленным, поплёлся к выходу...

О дальнейшей судьбе Лебедева Кондратюк долго ничего не знал...

Сам он успешно окончил военно-политическую академию имени В. И. Ленина, стал замполитом полка, а после – заместителем начальника политотдела военного училища в Сибирском военном округе, где и получил звание полковника.

Все прошедшие годы Кондратюк нет-нет, да и вспоминал о своём однокашнике и гадал о его судьбе. Однажды он даже хотел написать письмо матери Лебедева, живущей под Курском, но, памятуя строгий наказ минского майора с тяжёлым лицом – судьбой товарища больше не интересоваться и расспросами о нём никого не тревожить, делать этого не стал.

Безвестность, конечно, мучила Кондратюка.

«Наверное, Птицу перевели в Первое Главное управление КГБ! А там все сотрудники на нелегальном положении... – нафантазировал он себе дальнейшую судьбу Лебедева, и несколько утешился этой фантазией. – Сейчас Серёга где-нибудь «за бугром», тихо работает себе клерком в каком-нибудь учреждении одной из стран НАТО, или торгует финиками в какой-то недружественной арабской, а то и африканской стране, зорко поглядывает вокруг из-под своих кустистых бровей, собирает нужную для Родины секретную информацию и за свершённые подвиги получает закрытыми указами звания и награды...».

Уже в двухтысячных, выйдя в запас, приехал Кондратюк в Курган на юбилей родного училища, встретился с однокашниками. Растолстевший и полысевший подполковник запаса Процик, тот самый, что ездил с ним в пионерлагерь на «Зарницу», на банкете оказался соседом Кондратюка по столу.

После нескольких торжественных тостов Кондратюк спросил Процика, знает ли он что-то о Лебедеве. Спросил, честно говоря, не надеясь на утвердительный ответ.

Процик живо отозвался:

– Конечно, знаю. Умер Лебедев в родной деревне. Сердце остановилось.

– Как же так, Толя?.. Серёга ведь всегда таким живчиком был... Вроде, и не курил никогда, да и пил умеренно...

– Скажешь тоже – умеренно... Да его в запас турнули за то, что в пьяном виде стрельбу в ресторане устроил...

– Он же где-то за границей служил, в службе внешней разведки... Какая стрельба в ресторане?.. Я думал, он полковником уволился, как минимум...

Процик захохотал:

– Хо-хо, полковником, хо-хо-хо в СВР.. Наш ленинский стипендиат и золотой медалист закончил службу обыкновенным майором! Да!.. А насчёт за границы – это ты точно заметил! Последнее место его службы – столица независимого Узбекистана Ташкент!

Кондратюк не поверил:

– Ты что-то путаешь! Наш Птица, и вдруг – майор? Да он майора в восемьдесят седьмом вместе с нами получить должен был!

Процик отёр вспотевшую лысину ладонью:

– Точно, Андрюха, говорю! Лебедев – майор. И службу окончил в ТуркВО... Сам мне жаловался, что погорел из-за одной юбки. Мы же с ним земляки! Однажды в Курске поехал я в магазин за газонокосилкой для своей дачи... Гляжу – Серёга грабли выбирает! Хо-хо!.. Тут мне про судьбу свою и поплакался.

Кондратюк покачал головой.

– Как же так неосторожно... Влюбился, что ли?

Процик снова захохотал:

– Ага! И на старуху бывает проруха... Когда Серёгу начальником особого отдела назначили, одна баба, жена его подчинённого, закрутила с ним шуры-муры. Записала всё на камеру и стала Серёгу шантажировать, требуя выдвинуть её мужа на повышение... Птица шантаж терпеть не стал. Он же у нас идейный! Пошёл к начальнику управления и доложил всё без утайки. Мол, надо шантажистку приструнить. А генерал Серёгу снял с должности и сослал в особый отдел по Туркестанскому военному округу. Вот как бывает... с идейными-то! Жена с ним развелась, уехала с сыном обратно в Минск... Серёга приуныл было, но потом взял себя в руки и попытался приподняться, вернуть себе прежнюю должность. Да тут его бывшая сошлась с пианистом-евреем, и задумала эмигрировать в Канаду. Стала требовать от Серёги разрешение на вывоз сына за рубеж. Серёга отказал. Она стала писать письма во все инстанции. Словом, шум пошёл: как это у особиста жена, пусть даже бывшая, за пределы Родины выезжать собралась! Ни о каком повышении речи быть не могло! Так и уволился майором...

Процик наполнил рюмки водкой и продолжал, духарясь всё больше и больше:

– Вот ведь как бывает, Андрюха. Ленинский стипендиат, гордость училища – майор, а мы с тобой, училищные троечники... Давай, выпьем, за нас, за настоящих полковников! – накинул он себе лишнюю звезду.

Кондратюк, ошалевший от всего услышанного, машинально чокнулся с Проциком, который вызывал в нём всё большую неприязнь. Как-то не вязалось всё, что рассказал Процик, с образом чекиста Лебедева, который Кондратюк себе придумал.

«Наверное, Птица, случайно столкнувшись с Проциком, выложил ему одну из припасённых на всякий случай легенд... Не мог же он ему при встрече в магазине раскрыть всё, чем долгие годы на своей секретной службе занимался, где именно служил и в каком звании уволился... Вот и наплёл с три короба... А Процик уши развесил, принял всё за чистую монету и разносит сейчас эту легенду прикрытия по миру...»

И внезапная ранняя смерть Лебедева вызывала много вопросов.

«Разведчики ведь в запас не уходят! Наши спецслужбы вполне могли смерть Птицы имитировать, пустой гроб в землю зарыть... А сам он, как настоящий нелегал, уже где-нибудь в неизвестной стране под новым вымышленным именем выполняет новую тайную миссию!» – с этим глубоким убеждением Кондратюк и ушёл с банкета. Ушёл по-английски, не простившись с Проциком и другими однокурсниками, перебравшими на радостях от встречи с прошлым...

По дороге к гостинице, где он остановился, Кондратюк снова и снова возвращался к своим раздумьям о судьбе Сергея Лебедева, о тайне, которая её окутывает, и всё больше укреплялся в мысли в том, что золотой медалист и в Африке остаётся золотым медалистом, а секретная служба – на то и секретная, что подлинной информацией о судьбах своих сотрудников никогда не станет делиться с простыми смертными.